

В обработке господ рассказчиков история о том, как цензор Тан ловко раскрыл дело, стала ужасно популярной и быстро разлетелась по Поднебесной. Инфраструктура в то время была неразвитой, но подобные истории народ любил больше всего, так что через несколько месяцев ее рассказывали уже в южных регионах Цзяннани. Поговаривали, про случай этот там даже песню сочинили.

С тех пор как вошел в префектуру Шунтянь, Тан Фан занимался бесчисленным множеством дел. Среди них были сложные, вроде дела князя Ву Аня, и опасные, как дело о древней гробнице на реке Лохэ, но о них почти никто не знал. Лишь после расследования в округе Сянхэ он заработал потрясшую мир репутацию человека, раскрывающего дела как боженька.

Причина заключалась в том, что предыдущие случаи были слишком далеки от простых людей. Какими бы сложными и опасными они ни были, их воспринимали как пустяк. Так, например, хранители гробниц, с которыми Тан Фан и его люди столкнулись в захоронении гунского князя, были огромной редкостью. Мало кто поверил в их существование. Все считали, что в отчетах преувеличили проблему, так что не восприняли их всерьез.

Дело округа Сянхэ было другим. Хоть в нем и было много сложностей, оно быстро завоевало сердца народа. Услышав о нем, люди удивлялись, сопереживали, вздыхая о судьбе отца госпожи Ху и жалея о ее поступке.

Все, кто участвовали в раскрытии дела: окружной магистрат Вэн, Суй Джоу и остальные, – вмиг стали знаменитыми.

По слухам, Тан Фан был реинкарнацией князя Бао (сановник Бао Чжэн, 999-1062, справедливый судья, почитаемый как один из судей загробного мира), а Суй Джоу – “Чжан Луном” или “Чжао Ху”, одним из охранников “князя Бао” – та еще нелепица.

Но это все было потом.

Как Тан Фан и говорил магистрату Вэну, представление обывателей о добре, зле и справедливости было весьма простым. Хоть госпожа Ху и была убийцей, движима ею месть за отца. Сыновья почтительность всегда трогала сердца людей.

Кроме того, хоть доказательств, что это Вэй Цэ подставил Ху Ханьиня, и не было, улик, указывающих, что того оговорили, хватало, чтобы начать фантазировать о том, насколько постыдную роль в этом всем сыграл сам Вэй Цэ...

Вероятнее всего, он и убил свою жену, а затем подставил приемного отца, чтобы завладеть богатством семьи Ху. Прошло двадцать лет и доброе имя Ху Ханьиня наконец было очищено – как бы ни был несправедлив мир, истина восторжествовала.

После того как Тан Фан вернулся в столицу, магистрат Вэн, как и ожидалось, доложил об этом деле в префектуру Шунтянь, потрясая весь Двор. Слухи о произошедшем настолько широко распространились, что даже высокопоставленные чиновники при Дворе обсуждали его.

Нанести оскорбление Вань Аню все боялись, но о столь драматичном деле высказаться хотели. Кто-то защищал госпожу Ху, выставя Вэй Цэ зверем во плоти, а кто-то, как и прежний магистрат префектуры Дамин, полагал, что, раз Вэй Цэ был ученым, то вряд ли бы стал

убивать свою жену и подставлять приемного отца. Госпожу Чжан, возможно, убил не он, а значит, он тоже жертва.

Дело это наделало много шума. Две противоборствующие стороны постоянно спорили. Даже император не на шутку встревожился.

Чэнхуа был очень заинтересован в произошедшем, а поскольку Тан Фан принимал непосредственное участие в расследовании, его вызвали во дворец, чтобы расспросить.

Тан Фан, конечно же, не забыл о своем обещании. Сначала он упомянул о вкладе окружного магистрата Вэна, а затем рассказал и о ходе расследования. Со своим красноречием он даже самую заурядную историю бы интересно преподал, что уж говорить о столь запутанном и интригующем деле – речь текла из его уст, словно мед.

Император мало чем отличался от зевак на площади. Он слушал, затаив дыхание. Вероятно, он никогда прежде во время докладов не был столь сосредоточен. В конце он вздохнул и хлопнул по столу со словами:

— Этот Вэй Цэ точно убил свою жену! Иначе как он так внезапно разбогател после падения семьи Ху? Он даже от возможности получить славу в ученых кругах отказался и торговлей занялся! Очевидно для того, чтобы скрыть источник своего капитала!

— Ваше Величество мудры, – отвечал Тан Фан. – Этот чиновник пришел к такому же выводу. Однако подобные суждения не могут служить доказательством его вины. По прошествии стольких лет тело госпожи Чжан давно разложилось. Каким бы талантливым ни был коронер, ничего выяснить теперь он не сможет. Ху Ханьинь тоже давно мертв. Если Вэй Цэ сам не признается, утверждать, что это он убил свою жену, нельзя.

Император Чэнхуа был ужасно обеспокоен несправедливостью, постигшей семьи Ху:

— Как можно позволить негодьям радоваться на свободе, а хорошим людям терпеть обиду?!

Он и сам за свою жизнь совершил немало спорных поступков, но теперь, услышав чужую историю, преисполнился праведного гнева.

Тан Фан неловко перевел взгляд на Суй Джоу.

Последний не обманул его надежд:

— Ваше Величество, причина, по которой с Ху Ханьинем обошлись столь несправедливо, заключалась в том, что магистрат префектуры Дамин безответственно подошел к делу и вынес приговор, не опираясь на доказательства. Потомки должны получить урок из этого случая: следует все тщательно обдумать и доверять лишь фактам, чтобы не повторить ошибок того нерадивого магистрата, обвинив Вэй Цэ без доказательств.

— Теперь, – немедленно подхватил Тан Фан, – мнения разделились. Большинство кричит о несправедливости, постигшей госпожу Ху, и призывает магистрата округа Сяньхэ как можно быстрее осудить Вэй Цэ. То, что магистрат Вэн смог выдержать давление, придерживаясь

принципов, похвально!

Император Чэнхуа расхохотался:

— Мы лишь чуть-чуть пожаловались, а вы уже принялись лекции читать. Тан Фан, Гуанчуань вечно такой серьезный и скучный, как он тебе еще не надоел?

Услышав, с какой теплотой в голосе тот отзывается о Суй Джоу, Тан Фан рассмеялся:

— Гуанчуань холодный снаружи, но теплый внутри. Он очень талантлив. Общение с ним полно сюрпризов и никогда не утомляет.

Император Чэнхуа довольно кивнул:

— Среди всех наших родственников лишь Гуанчуань заставляет нас гордиться им! Кстати, раз уж ты столь компетентен, мы решили отправить тебя в Цензорат, а не обратно в Министерство Наказаний. Ты недоволен?

— Повышение этого чиновника – милость Вашего Величества. Не знаю, как благодарить. Разве можно быть недовольным? Этот чиновник и правда допустил ошибку во время последнего расследования. Этот чиновник всем сердцем согласен с решением Вашего Величества.

Императору Чэнхуа не хотелось бы, чтобы человек, в чью защиту высказались Хуай Энь с Суй Джоу, оказался неблагодарным псом. Услышав эти слова, он несколько успокоился:

— Цензорат не похож на Министерство Наказаний. В его юрисдикции нет государственной тюрьмы, но он также предоставит тебе возможность выполнять свой долг: вести расследования, разоблачать чиновников и бороться с несправедливостью. Не забывай, как ты вел себя при расследовании в округе Сяньхэ. В любом деле – и большом, и малом – будь внимателен и вдумчив, не путай правильное и неправильное, добро и зло.

— Этот чиновник будет помнить слова Вашего Величества и сделает все возможное, чтобы до конца выполнять свой долг!

По правде говоря, после того как Тан Фана повысили до левого помощника столичного цензора, некоторые принялись жаловаться, что он не подходит для этой должности поскольку ранее совершал ошибки. Раз сам столь некомпетентен, как может подавать пример другим?

Какими бы ни были изначальные намерения этих людей, подобные жалобы доказывали, что не все хотят, чтобы Тан Фан вернул себе звание чиновника. Однако слухи о деле округа Сяньхэ быстро облетели всю столицу. Оправдав Ху Ханьиня, Тан Фан показал себя с лучшей стороны. Всем недовольным пришлось заткнуться, а император Чэнхуа, который лично назначил его на новую должность, был необычайно горд.

Если император любил кого-то, он любил и каждую ворону на крыше дома этого человека, к тому же лично ему Тан Фан ничего плохого не сделал.

На этом столь широко обсуждаемое дело не кончилось.

Несмотря на то, что оно встревожило весь Двор и заинтересовало самого императора, магистрат, что руководил Дамином двадцать лет назад, уже скончался, а доказательств того, что Вэй Цэ убил свою жену и подставил приемного отца, так и не нашли. Убийство госпожой Ху младшего сына семьи Вэй не рассматривали как месть за отца, лишь как убийство невинного. Однако император сжалился над ее сыновней почтительностью и освободил от смертной казни, приговорив к ссылке за три тысячи ли с разрешением семье сопровождать ее.

Однако госпожа Ху решила, что раз желание ее отца об оправдании исполнилось, сам он давно умер, а сын создал свою семью и открыл дело, забот у нее в этом мире больше не осталось, так что объявила голодовку и спустя семь дней умерла.

Хоть Вэй Цэ и не выдвинули никаких обвинений, все всё равно решили, что двадцать лет назад он убил свою жену, чтобы завладеть имуществом семьи Ху. В округе Сяньхэ членов семьи Вэй провожали осуждающими взглядами, куда бы те ни пошли. Не выдержав, госпожа Вэй вернулась в родной дом и устроила сцену, допрашивая отца и требуя, чтобы тот рассказал ей правду об ее матери.

Вскоре после этого главный наставник Севера отправился в округ Сяньхэ с проверкой и аннулировал результаты окружного экзамена Вэй Цэ на основании того, что тот оскорбляет науку торговлей, и лишил звания ученого в назидание.

Окружной магистрат Вэн тоже не раз наведывался к нему. Никаких улик того, что Вэй Цэ нарушал закон найти он не сумел – дальновидность и расчетливость этого человека поражали воображение – так что магистрату оставалось надеяться лишь на то, что он сможет повлиять на Вэй Цэ и заставить его признаться в содеянном.

Но, как и ожидалось, Вэй Цэ не проронил ни слова. Никаких доказательств его вины найдено не было, и даже сам император не мог арестовать его без причины. Вэй Цэ не был настолько глуп, чтобы добровольно сдаться властям. Однако с тех самых пор, как начали распространяться слухи о привидениях, он оставался прикован к постели. Его состояние не улучшалось, а наоборот, становилось все хуже и хуже.

Одни утверждали, что у Вэй Цэ совесть нечиста, вот возмездие и настигло его, тогда как другие говорили, что обиженная душа госпожи Ху не рассеялась, а превратилась в свирепого призрака, что пришел отомстить. Как бы то ни было, поздней осенью того же года Вэй Цэ испустил последний вздох и покинул этот мир.

Ходили слухи, что перед смертью он отчаянно кричал, глядя в пустоту возле своей кровати: “Не подходи! Не подходи!..”

В любом случае, Тан Фана все это никак не касалось.

По возвращении в столицу он принялся помогать своей сестре и племяннику обживаться.

Дом, который Суй Джоу помог ему купить, был очень хорош. Он был не такой большой, как дом Суй, но имел два двора. В первом, сразу за воротами, располагались боковые комнаты, где прежде жили слуги. Тут росло множество цветов и деревьев, что сильно отличало двор от простых помещений прислуги. За вторыми воротами располагался внутренний двор. Посередине размещался главный зал, по бокам – кабинет и спальня. В центре двора был разбит

миниатюрный сад-пэньцин.

Тан Фан прислушался к совету Суй Джоу и продолжил жить с ним, тогда как Тан Юй с сыном и А Дун перебрались в соседний дом. Приехав в столицу и встретившись с девочкой, Тан Юй прониклась к ней сочувствием и всем сердцем полюбила живую маленькую сестренку. Сестры поладили, но вот Хэ Чэн был лишь на три года младше А Дуна, так что первое время ему было ужасно неловко звать ее “тетя”.

На серебряные таэли, что дала ей семья Хэ, Тан Юй открыла в столице магазин косметики. До замужества ей очень нравилось возиться с подобными безделушками и даже изготавливать некоторые самой по рецептам из старых книг, однако, после того как вошла в семью мужа, она была вынуждена распрощаться со своим хобби. Теперь оно снова стало приносить ей радость.

Из-за того, что Тан Юй была женщиной, ей не пристало лично участвовать во многих сделках, так что Тан Фан попросил Цянь Сан-эра стать продавцом в ее магазинчике и помогать ей с делами. Подобное занятие пришлось Цянь Сан-эру по вкусу. Хотя и был безграмотным и неопытным, он много странствовал по миру со своим учителем и прекрасно умел обращаться с людьми всех мастей. С его-то длинным языком дела в магазинчике точно не могли идти плохо.

Однако в магазине косметики продавались товары для женщин, и частенько покупательницы из богатых семей приходили лично, чтобы что-то выбрать. В таком случае Тан Юй выходила к ним. Она происходила из обеспеченной семьи ученого и представляла собой прекрасно воспитанную цзяннаньскую даму, что выгодно отличало ее от других торговек.

Да что уж говорить, одной ее красоты и подвешенного языка хватало, чтобы сделать ее живой рекламой. Так что, даже если пока магазин не приносил много прибыли, при хорошем управлении он рано или поздно приобрел бы известность.

Через несколько месяцев Тан Фан получил известие от семьи Хэ.

Писали, что после отъезда Тан Юй и сына Хэ Линь долго унывал, но затем на него словно нашло что-то. Он порвал со своими друзьями и принялся усердно учиться, не выходя из дома. Кажется, он вознамерился встать на путь истинный.

Тан Фан рассказал об этом Тан Юй, но та лишь покачала головой, сказав, что ландшафт изменить легко, а вот природу трудно. Если бы негодяи так просто исправлялись, в мире б не происходило так много трагедий. Она не относилась столь оптимистично к так называемой “трансформации” Хэ Линя.

Стоит упомянуть, что с тех пор, как сестра Тан переехала в столицу от Хэ, хоть и была занята настолько, что пальцы ног ее почти не касались земли, улыбаться стала намного чаще, чем раньше. Она просто светилась от счастья, чему Тан Фан был очень рад. Больше разговорами о Хэ Лине беспокоить ее он не стал.

В Цензorate он, в отличие от Министерства Наказаний, хоть и был новичком, с особыми трудностями не столкнулся.

Во-первых, поскольку он теперь работал в Цензorate, где цензоры всех рангов могли считаться полуминистрами, среди его коллег большинство имели ранг ниже, чем у него.

Те, кто по рангу были ниже него, не стали бы и пытаться предпринять что-то против, а те, что выше, как правило, не любили создавать проблемы.

Более того, Тан Фан не был наивным юношей, который не знает, как устроен мир. Причина холодного приема в Министерстве Наказаний заключалась в том, что он занял чужое место, в то время как количество левых помощников столичных цензоров не было строго фиксированным, так что и украсть эту должность у кого-то было невозможно.

Наиболее важные посты в Цензorate занимали непосредственные начальники Тан Фана. Левым столичным цензором был Чан Чжиюань, правым помощником столичного цензора – Лю Шаоцзюнь. Должности правого столичного цензора и левого помощника были вакантны.

Людей тут служило довольно мало, так что и конфликтовать было не с кем, зато работы было хоть отбавляй, поэтому Тан Фану, который мог разделить их бремя, все были очень рады. Кто бы стал вытеснять его?

Всем хорошо и никто не обижен. Тан Фан наконец вернул себе былую популярность, которой мог похвастать в префектуре Шунтянь, только на этот раз в Цензorate. Цензоры всех чинов были вежливы друг с другом, сосуществовали в мире и гармонии. Любой, кто попал бы сюда, решил, что ошибся зданием и это не Цензорат, где процветает доноительство и практикуются аресты, а тихое-мирное Министерство Обрядов.

Но и в столь дружественном коллективе нашлись далеко недружественные экземпляры.

Так, например, в верхних и нижних кругах Цензората появилась престранная тенденция выбирать третьего министра Лю Цзи жертвой своих многочисленных доносов.

Да-да, целью существования всех этих цензоров внезапно стала отставка Лю Цзи.

Тан Фан сначала решил, что что-то не так понял, но вскоре обнаружил, что это было правдой.

Лю Цзи был старейшиной Кабинета и старшим председателем Зала глубины литературы в запретном городе. Он был третьим министром после Вань Аня и Лю Сюя.

Неужели Лю Цзи совершил что-то настолько возмутительное, за что его теперь все ненавидели?

Все дело было в функциях Цензората.

Другими словами, Цензорат служил глазами и ушами Сына Неба и совершал надзор за сотнями чиновников. Это значило, что если цензоры прознают про то, что вы нарушили закон, они донесут на вас.

Однако цензоры – тоже люди, которые и сами были не в силах всегда непоколебимо соблюдать закон. Везде, где есть люди, будут и проблемы. Как только людей становится больше, они

начинают делиться на группы и образовывать партии, строить и воплощать коварные планы.

Среди нынешних старейшин Кабинета первый министр Вань Ань крепко-накрепко вцепился в Благородную наложницу Вань. Его никак нельзя было трогать. Ко всему прочему он был ужасно мстительным человеком. Обижать его было бессмысленно. Тан Фан, например, послужил причиной того, что помощника министра Ляна отправили в Нанкин на пенсию – Вань Ань, должно быть, не забыл об этом и в будущем обязательно отомстит.

Все люди стремятся к выгоде и избегают ущерба. На Вань Аня и раньше доносили, но тот не пал, а вот все его противники пали. Со временем цензоры поняли, что с Вань Анем не совладать, так что лучше было даже не пытаться и не подставляться.

У второго министра Лю Сюя за спиной не было толпы приспешников, как у Вань Аня. Он, напротив, был достаточно высокомерным человеком и оскорбил немало людей, но цензоры не спешили кидаться на него с обвинениями.

Поскольку тот был многоуважаемым учителем императора. При встрече с ним император никогда не называл его по имени, всегда величая “господином Востока”. Этот человек совершенно точно занимал особое место в сердце императора, так что трогать его не следовало. Были те, кто пару раз доносили на него, но безрезультатно. Кроме того, Лю Сюй был достаточно высокомерен и не желал якшаться с Вань Анем и его шайкой, посему и грехов за душой, которые можно было бы выискать для доноса, почти не имел. Его свержение не принесло бы никому пользы.

В отличие от этих двоих, Лю Цзи, третий министр, стоял особняком и стал излюбленной мишенью для цензорских доносов.

Характер у Лю Цзи был очень скользким. Он общался и с Вань Анем и с Лю Сюем, а затем создал собственную фракцию, отдельную от них двоих. И властью обладал немалой. Это означало, что, если у кого-то получится отстранить его от должности, имя человека, написавшего судьбоносный донос, сохранится в веках.

О Лю Цзи в народе говорили: “И сто ударов не повалят Хлопкового Лю”. Тот был ужасно толстокожим. Когда на других чиновников доносили, те оставляли должность и сидели дома, а затем подавали в отставку – таков был негласный неписанный принцип – чтобы доказать, что они невиновны и не жаждут власти.

Но Хлопковый Лю был не такой. Сколько бы доносов на него ни строчили, он продолжал, как и прежде, твердо сидеть на месте, не двигаясь, с видом: “что мне ветер, что мне дождь – я непоколебим”. Те, что писали на него доносы, скрипели зубами, поражаясь тому, что кожа этого старика толще, чем городская стена.

Вань Ань тоже не любил Лю Цзи. Если бы тот хоть раз подал в отставку после очередного доноса, Вань Ань первым вбил бы гвоздь в его гроб, чтобы тот и вправду лишился должности, но Лю Цзи отказывался следовать правилам этого мира. Императору и дела не было до происков министров, так что у Вань Аня не было возможности сместить Лю Цзи.

Цензоры мечтали увековечить свое имя в истории, а чем сложнее цель, тем выше чувство выполненного долга при ее поражении.

Вот так Лю Цзи и занимал первое место в списке доносов Цензората уже несколько лет подряд. Каждый цензор работал в поте лица, чтобы сместить его с должности, в результате чего и сложилась традиция “бить хлопок”. Никто не считал это странным, скорее славным, так что нюхачи-цензоры продолжали поднимать шум из-за любой мелочи, происходившей в семье Лю Цзи.

Будучи одним из “нюхачей”, Тан Фан не одобрял подобную традицию. Но он был лишь левым помощником столичного цензора. Слово “помощник” было добавлено в название его должности не просто так. Он был не главным, а лишь третьим по значимости в Цензорате.

Но даже если бы он и был левым или правым столичным цензором, права мешать своим подчиненным обвинять кого-либо все равно бы не имел, поскольку изначальная обязанность любого цензора заключалась в том, чтобы следить за сотнями чиновников. И никто не мог помешать им.

Конечно же Тан Фан не стал бы вмешиваться в чужие дела и указывать другим, что делать. Задач в Цензорате было не так много, как в Министерстве Наказаний, куда ежедневно на рассмотрение поступали доклады о крупных делах со всей Поднебесной. Свободное время он посвятил тому, что не мог закончить раньше – исправлению недочетов в “Законе Великой Мин”.

Как раз в это время в Цензорат перевели еще одного человека на вакантное место правого столичного цензора.

Человеком этим был никто иной, как ранее уволенный со своего поста старый учитель Тан Фана, господин Цю Цзюань.

Цю Цзюань ранее выступил с обвинениями против Ван Джи, чем ужасно разозлил императора, который отправил его подальше в Нанкин. С тех пор у него не было возможности вернуться. Дело было не в том, что Тан Фан с Пань Бинем не хотели помогать своему учителю, а в том, что их официальные положения не были достаточно высоки, а слова достаточно весомы, чтобы помочь.

Однако учеников Цю Цзюаня в Поднебесной было немало. В столице, правда, из более-менее важных служило лишь два: Тан Фан и Пань Бинь, но зато в одиннадцатый год Чэнхуа Цю Цзюань успел послужить главным экзаменатором на императорском экзамене. Все сдавшие в тот год почитали его как учителя. Хотя отношения с ними у него были не такими близкими, как с Тан Фаном и Пань Бинем, но они все-таки оставались связаны с Цю Цзюанем, как сломанные кости сухожилиями.

На этот раз именно Хуай Энъ замолвил словечко за Цю Цзюаня. А все потому, что Ван Ао, занявший в один год с Тан Фаном первое место на столичном этапе экзамена и третье на итоговом императорском, теперь был одним из наставников принца. Как-то во время лекции он посетовал на то, что учитель его был честным человеком, но лишился должности. Принц решил помочь Цю Цзюаню и вернуть его в столицу.

Он, конечно же, не мог обратиться к императору лично, так что разыскал Хуай Эня. Так, благодаря заступничеству Хуай Эня, Цю Цзюаня перевели обратно в столицу и назначили на должность непосредственного начальника Тан Фана.

Тан Фан с Пань Бинем были очень рады возвращению учителя. В день, когда Цю Цзюань должен был приехать в столицу, они с Ван Ао, Се Цянем и другими учениками вышли из города за десять ли, чтобы лично встретить его. Учитель и ученики воссоединились спустя долгое время. Вне себя от радости они тут же пригласили учителя в заранее забронированный ресторан, чтобы тот мог перекусить и отдохнуть с дороги.

В отличие от господина Тана, который, получив назначение, еще полмесяца прохлаждался в Сяньхэ, прежде чем вступил в должность, господин Цю свято следовал зову долга. Так что сразу на следующий день после пирушки, которая длилась почти до полуночи, отправился в Министерство Назначений и вскоре приступил к рабочим обязанностям в Цензorate.

Хоть Тан Фан и следовал определенным принципам, в целом он был довольно гибким и прагматичным человеком, который может признать, что некоторые вещи он изменить не в силах, и отступить. Однако господин Цю был другим. Это был пожилой, прямолинейный и вспыльчивый старик. Спустя всего несколько дней он обнаружил, что цензоры безрассудно нацелились на Лю Цзи, игнорируя всех остальных.

По его мнению, в Великой Мин было и без Лю Цзи полно проблем. Например, императорские угодья, Западная Ограда и Вань Ань. В чем смысл набрасываться на одного Лю Цзи? Неужели заняться больше нечем?

Цю Цзюань действовал решительно и быстро. Он тотчас составил донесение, в котором перечислил три основных недостатка Двора и отругал весь Цензорат сверху донизу, заявив, что те плохо выполняют свои обязанности, целыми днями думают о том, как бы выслужиться, пользуются государственными ресурсами в личных целях, а властью, дарованной им императором-основателем, ради собственной выгоды.

Кому понравятся такие заявления? Особенно гневные речи Цю Цзюаня обидели Чан Чжиюаня, левого столичного цензора. Цензорат на время погрузился в хаос.

Тан Фан, конечно же, поддерживал точку зрения Цю Цзюаня, поскольку учитель его поднял действительно важные и насущные проблемы. Однако Цю Цзюань был слишком нетерпелив, желая съесть блюдо за один укус, и неизбежно оскорбил многих людей.

Подобные поступки были чреваты последствиями в первую очередь для совершившего их, но это не значило, что они были неправильными.

Мир стал таким, каким он был, именно из-за нехватки людей вроде Цю Цзюаня, которые не боялись сделать шаг вперед. Хоть Тан Фан и понимал лучше Цю Цзюаня, когда следует выступить, а когда отступить, это не мешало ему уважать своего учителя.

Все эти события совпали с пятидесятилетием Вань Туна, младшего брата Благородной наложницы Вань, которого не так давно снова повысили до командующего Императорской Стражей. Он разослал всем столичным чиновникам выше пятого ранга приглашения. Цю

Цзюань и Тан Фан также не стали исключением.

Послесловие автора:

Пока писала о товарище Хлопковом Лю, не могла перестать смеяться. Этого человека нельзя назвать хорошим, но в нем определенно есть что-то эдакое... Прозвище “Хлопковый Лю” дано ему неспроста. Он и правда был ужасно толстокожим, ха-ха-ха→ _→

Мини-театр:

Тан Юй: Пушистик, я собираюсь открыть магазин. Как думаешь, что лучше продавать в нем?

Тан Фан: Булочки? Пельмени? Весенние рулетики? Вонтоны? Сестрица, на севере города подают очень вкусные вонтоны.

Тан Юй: ...

Суй Джоу: Если сестра откроет магазин продуктов, как я смогу демонстрировать свою значимость?

Тан Юй: Хорошо, ради счастливого будущего моего брата, я буду продавать косметику.

Примечания переводчика:

В группе вк по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) и одноименном тг-канале (t.me/tsomd) уже доступна 1 часть 86 главы, первой главы 7 тома.

Платные главы в группе всего за 100 руб./мес.

Комментарии переводчика публикуются тоже только в группе во избежание срачей)

Глава называется “Чжан Лун и Чжао Ху господина Тана”, но поскольку мало кто поймет, о чем речь, я решила упростить название. Эти двое были охранниками и слугами князя Бао, так что вот)

Вот и закончился 6 том, а вместе с ним и половина книги) Осталось перевести +/- столько же и конец) юху!

Следующий том называется “Дело Вэйнинхай” и в нем наконец произойдет то, чего вы все (или не все) так долго ждали :З Надеюсь, я вас заинтриговала.

Вэйнинхай (Цзининхай, Море Желтого Знамени) – это район в округе Датун. Располагается на территории современной Внутренней Монголии.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2361470>